

КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» («БОГАТСТВО») В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. Г. РАСПУТИНА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА

Н. А. Сергунина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 августа 2019 г.

Аннотация: статья посвящена творчеству В. Г. Распутина в постсоветский период. В центре рассмотрения — смена мировоззренческих парадигм российского общества в 1990-е — 2000-е годы, зафиксированная в поздних рассказах и повести писателя. Изучаются представления В. Г. Распутина о влиянии «рыночной идеологии» на духовное состояние общества.

Ключевые слова: позднее творчество В. Г. Распутина; понятия «богатство», «бедность», «деньги», «успешность», «рынок» в трактовке писателя.

Abstract: the paper deals with V. G. Rasputin's postsoviet writing. The focal point is the paradigm shift in Russian society in the 1990s — 2000s that was adduced in his later stories and novel. V. G. Rasputin's views on the influence of «market ideology» on the spiritual order of society are studied.

Keywords: later V. G. Rasputin's writing; «wealth», «poverty», «money», «successfulness», «market» in Rasputin's representation.

Последний этап — с 1994 года, когда после почти десятилетнего перерыва создаются рассказы «В одном сибирском городе» и «Сеня едет», — в творчестве В. Г. Распутина сегодня называют временем «возвращения к художественному призванию» [1, 145]. По словам самого писателя, вновь обратиться к литературе (при том, что в публицистике и очеркистике он все эти годы работал активно) его заставило стремление «говорить, как живет сейчас народу» [1, 145].

В том же интервью Валентин Распутин отметил: «Самое тяжелое наше поражение — нравственное и духовное калечение народа» [1, 145].

Это понятие — «поражение» — признанный мастер слова вряд ли употребил необдуманно. Писатель не конкретизирует, о каком именно конфликте ведет речь, — а поражение всегда является итогом участия в конфликте, противостоянии, — но к 1994 году уже можно было оценить последствия поражения нашей страны, в первую очередь, в холодной войне. С одной стороны, ее результатами стали исчезновение в 1991 году государства СССР, глубокий экономический кризис на территориях его бывших республик, отказ от коммунистической идеологии. С другой — принятие системы духовных ценностей недавнего противника.

Переход к «рыночной экономике» не просто был объявлен с начала 1990-х гг. главным направлением развития России. Он был осуществлен путем внедрения в массовое сознание новых мировоззренческих установок. В частности, характерного для западной ментальности представления об «успешности». Да и сам этот неологизм дополнил иными смысла-

ми издавна существовавшее в русском языке слово «успех». Основными показателями «успешности» были признаны финансовое благополучие и непрерывное его преумножение. Понятия торговли и — шире — рынка приобретают статус главных идеологических концептов. Причастность человека к миру торговли и денег начинает восприниматься как свидетельство «успешности».

Антиподом «успешного человека» становится человек, «не вписавшийся в рынок». У новых хозяев жизни такие «не вписавшиеся» не вызывают ни сочувствия, ни уважения. «Рыночная» идеология привила обществу уверенность в том, что у всего на свете есть выраженная денежной суммой цена. «Нравственность или успешность?» [2, 245–257] — такова сформулированная Валентином Распутиным духовно-идеологическая дилемма в России 1990-х — 2000-х годов.

В позднем творчестве писатель выступает наследником традиционной русской культуры. В ней человек, имеющий большие деньги, воспринимался скорее как персонаж отрицательный. Богатство связывалось в народном сознании либо с нечестной, противоречащей нравственным принципам или букве закона, деятельностью, либо с торговлей. А она никогда не считалась уважаемым занятием, т.к. торговец не производил никаких ценностей, а наживался на их перепродаже.

При этом отношение к бедным всегда было сочувственным и милосердным. Это нашло свое отражение и в классической русской литературе¹, и в отече-

¹ В. Г. Распутин говорил об этом: «Вся русская литература XIX века полна сострадания к бедным и обездо-

ственной духовности XX века (вспомним, например, героев А. М. Горького, А. П. Платонова, В. А. Гиляровского — бродячих философов и правдоискателей).

Немаловажно также, что оценку описываемых событий в зрелый период творчества Валентин Распутин осуществляет с позиций Православия². Его тексты могут служить иллюстрациями для библейского утверждения: «Не можете служить Богу и маммоне» [3].

Главными положительными героями поздней прозы В. Г. Распутина стали люди, устоявшие перед натиском новой «рыночной» идеологии. Те, кто руководствуется не ею, но вечными моральными принципами. Это деревенский пенсионер Сеня Поздняков («Сеня едет», «По-соседски», «Поминный день», «Нежданно-негаданно», «Вечером»), бывшая повариха Пашута («В ту же землю»), бывший ученый-физик Алеша Коренев («Новая профессия») и закройщица Ивановна (повесть «Дочь Ивана, мать Ивана»).

ВЕЧНАЯ ТЕМА ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Тема денег, их бесцеремонное и суровое всевластие в сфере человеческих судеб, впервые заинтересовала Валентина Распутина отнюдь не в эпоху постсоветских реформ. Ей он посвящает уже первую свою повесть — «**Деньги для Марии**» (1967). И это отражено в названии.

В художественной прозе молодого В. Г. Распутина деньги синонимичны не материальному благополучию или бытовому потребительскому комфорту. Они становятся инструментом, при помощи которого вскрывается нравственная суть персонажа.

В сюжете этого текста деньги — единственное средство спасти невинного человека от беды.

В невинности Марии — имя, наполненное в мировой культуре глубоким символизмом — никто не сомневается. Однако попытаться избавить её от тюрьмы и дать в долг готов далеко не каждый. В повести отмечается: те, кто богаче (директор школы Евгений Николаевич, Степанида), расстаются

ленным. Она и велика была двумя главными качествами — художественностью и сострадательностью, из второй, чувственной ее стороны наполнилась и первая, профессиональная. <...> Названия произведений прямо указывают на сочувствие к несчастным: «Бедная Лиза», «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Бедность не порок», «Антон-горемыка», «На дне»...» // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. — М.: Алгоритм, 2016. — Стр. 138–139.

² Как свидетельствует Н. С. Тендитник (Тендитник Н. С. [Валентин Григорьевич Распутин]: Факты биографии и творчества / Н. С. Тендитник. // Русский Востокъ. — Иркутск, 2002. — № 11 (178). — 15 марта.), в 1978 году В. Г. Распутин принимает Святое Крещение. С этого времени влияние русской религиозной философии и Православия на его творчество становится все ощутимее.

с деньгами неохотно, но при этом демонстративно подчеркивают свою помощь. Они рассчитали: так можно «купить» доверие и хорошее отношение к себе односельчан. И все же состоятельные люди чаще отказывают, приводя в свое оправдание крепкие доводы. А те, кто беднее (например, тетка Наталья), готовы отдать последнее, чтобы не позволить свершиться несправедливости, а также из глубокой жалости к судьбе героини.

В знаменитом **рассказе 1973 года «Уроки французского»** писатель создает еще одного беззащитного перед жизнью, обездоленного персонажа — больного малокровием 11-летнего деревенского мальчика, уехавшего в райцентр учиться в школе.

Показано, как в столкновении с нуждой воспитывается личность. Ребенок, ежедневно борющийся с голодом, не испытывает ненависти к своей квартирной хозяйке и ее детям, хотя замечает: привезенные ему на месяц продукты исчезают уже через несколько дней. Он видит их бедность (тетя Надя одна «мыкается с тремя ребятишками») и даже боится думать о том, кто из них «по-таскивает» его еду.

Спасает мальчика сострадание учительницы по французскому языку. Лидия Михайловна понимает, что, играя с ребенком на деньги (с единственной целью — проиграть), она рискует многим: комфортом, удобным с обывательской точки зрения социальным положением... Но иного пути для себя не видит. В иерархии ценностей положительного персонажа В. Г. Распутина деньги стоят далеко не на первом месте.

Лидия Михайловна делает свое дело в тайне ото всех, боясь обидеть помощью мальчика. Она видит: даже в крайней нужде он пытается сохранить достоинство.

В повести «**Пожар**» (1985) писатель доказывает: не имея совести и моральных принципов, человек не устоит перед искушением быстрого, но несправедливого обогащения.

Для бригады приезжих рабочих, «архаровцев», — да и не только для них: многие деревенские составят им компанию — возгорание ОРСовских складов означает возможность безнаказанно их разграбить. Архаровцы «спасают» из горящего склада промтовары и водку, тут же распивая ее. А противопоставленный им главный положительный персонаж Иван Петрович Егоров выносит из огня масло, муку, крупы и сахар — «хлеб насущный» для своих односельчан.

Выгоде и богатству в «Пожаре» противопоставлено понятие достатка: «Да, он надобен, без него человек начинает хлябать, как отошедшая от мяса кость» [4, 405]. При этом В. Г. Распутин уточняет: необходимо «иметь внутри этого достатка что-то особое, происходящее из себя». Иначе человек проживет жизнь «во имя его превосходительства брюха» [4, 405].

ИСПЫТАНИЕ БЕДНОСТЬЮ

В постсоветском творчестве писателя тема денег получает дальнейшее серьезное развитие и занимает одно из центральных мест.

Героям поздней прозы Валентина Распутина приходится тяжелее, чем персонажам более ранних рассказов и повестей. Система ценностей, принятая в традиционном русском и наследовавшем ему советском обществе, во многом была схожа с православной христианской. Бедным сочувствовали, старались помочь. В новые же времена «неуспешные» стали презираемы³. Им, безденежным, фактически стали отказывать в праве быть людьми.

Оттого настолько тяжелой выглядит трагедия центральной героини рассказа **«В ту же землю» (1995)** Пашуты. Ей предстоит не только отдать последний долг матери, но и осознать себя, противопоставить себя «правилам жизни» в новой России. Отстоять в себе Человека.

У Пашуты, почти нищей пенсионерки, живущей на окраине промышленного сибирского города, умирает 84-летняя мать. А. И. Солженицын точно передал содержание этого, как он подчёркивал, «гнетущего рассказа большой силы» [5]: «И — как хоронить? В деревне бы — куда как просто. А здесь первое: все цены теперь вскружились в десятки и десятки раз, нечего и думать купить гроб. А ещё главней: мать не прописана здесь и никто не выпишет ей свидетельства о смерти; а без свидетельства — не похоронишь. Конечно, за деньги можно получить всё — но денег-то и нет».

Новая жизнь отняла «сокровенное, священное право — мирно отдать прах матери-земле» [5].

В этом рассказе происходит превращение живущей в крайней нужде, измученной болезнями и личной неустроенностью пенсионерки в героиню — сильную, принципиальную, уверенную в своих словах и поступках. Пашута решает хоронить Аксинью Егоровну самостоятельно в лесополосе за городом. У нее нет средств на похороны по всем требованиям теперешней жизни. Но главное в другом: Пашута принципиально отказывается их принимать.

В этом отношении важны два эпизода диалога героини с ее другом Стасом Николаевичем. К нему она обращается с просьбой сделать гроб.

В первом Стас Николаевич предлагает Пашуте —

³ Приведем слова самого В. Г. Распутина: «Капитализм сам по себе — безжалостное общественное устройство. Реваншистский капитализм, утверждающийся в России, уродлив еще и потому, что он находится в состоянии войны не только с коммунистическими, но и с историческими традициями и имеет своим происхождением «общечеловеческие ценности», которые позволяют бомбить Югославию, Ирак и говорить о необходимости «мер» в связи с перенаселённостью планеты» // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. — М. : Алгоритм, 2016. — Стр. 147.

то ли всерьез, то ли с горькой иронией — так добыть денег на похороны: «Сердце продавай, печень, селезенку, душу... Теперь все покупают». Но слышит в ответ: «Мою печенку-селезенку никто не купит. Я бы продала... — И с отвращением отказалась: — Вру, не продам. И продавать не буду, и к ним [«помогающим» за деньги в любом деле] не пойду».

А во втором она уже заявляет решительно: «Денег у меня нет, ничего нет... Но если бы и были... Знаешь, кажется мне: все равно надо было бы так сделать» — похоронить Аксинью Егоровну самой, без «них».

О «них», новых хозяевах постсоветской России, в рассказе «В ту же землю» говорится недвусмысленно. «Они» открыто противопоставлены простому народу. Отправляясь на пригородном автобусе к Стасу, Пашута отмечает: «Что-то мало народу <...> Но и в электричке было свободно. Пашута принялась рыться в памяти и вырыла с трудом, что сегодня суббота, день для нижнего густого народа нерабочий. <...> Сегодня жмут на свои педали, качающие деньги, всякие «куммерсанты», как выговаривала Аксинья Егоровна, да банкиры. Но они выходят позже и в автобусах не ездят» [6, 310].

К «ним» В. Г. Распутин относит не только предпринимателей-«куммерсантов», но и новую власть. Эти люди циничны, алчны, жестоки и безнравственны. В своем стремлении к наживе готовы уничтожить все вокруг — людей, природу, мир. Место действия в рассказе — промышленный сибирский город. Здесь находится самый крупный в мире завод по производству алюминия и крупный лесоконкомплекс, варящий целлюлозу. «От фтора на десятки и сотни верст вокруг чахли леса, от метилмеркаптана забивали в квартирах форточки, законопачивали щели и все равно заходились в удушливом кашле. Через двадцать лет после того, как гидростанция дала ток, город превратился в один из самых опасных для здоровья. <...> Народ пошел на площади протестовать, эти протесты, как и всюду, были использованы, чтобы свалить старую власть, но пришла новая — и сами собой протесты прекратились, потому что новая знала самый верный способ борьбы с недовольством: не делать одно лучше, а другое хуже, а развалить без сожаления все, и тогда в охоте за куском хлеба, хватаясь по-животному за любую жизнь, забудут люди о такой причуде, как чистый воздух и чистая вода» [6, 306].

В открытых противостояниях с народом власть без раздумий будет в него стрелять. Это показано в рассказе 1994 года «В одном сибирском городе».

РЫНОК КАК АД

В рассказе **«Нежданно-негаданно» (1997)** [7, 356–389] В. Г. Распутин уже не просто декларирует, что «за деньги теперь всего можно добиться» (как говорила Пашута). Началом сюжетного развития становится попытка продажи ребенка.

«– Купи девочку, — вдруг услышал Сеня» [7, 369].

Люся, женщина лет сорока с «приметами покатившейся жизни» на лице, пытается выручить деньги за шестилетнюю Катю, попрошайку с центрального городского базара. В «рыночном» обществе все имеет свою цену. В том числе и человеческая жизнь.

Но в ходе разговора вдруг выяснится, что цель Люси — не заработать. Недолго поторговавшись, она предлагает забрать девочку просто так. Кажется, женщина жалеет малышку, попавшую в рабство к рыночной мафии, и устраивает ей побег. Но вскоре Люся вернется к «хозяевам», во всем сознается и полностью уничтожит шансы девочки на спасение.

Намерения Люси спастись самой, сбежав от банкетов, останутся словами.

Противоречивость, алогичность, двуликость, несоответствие явного и скрытого — черты распутиных героев, принадлежащих миру рынка. Двойничество их очевидно. А это черта, возводящая литературную родословную «рыночных» людей, в частности, к бесам в изображении Ф. М. Достоевского и Ф. К. Сологуба, а также обаятельной, но страшной по своей сути нечисти М. А. Булгакова.

Локус рынка в рассказе «Нежданно-негаданно» переполнен inferнальными символами: «Кругом все кричало, визжало, пищало, совало под нос какую-то раскрашенную дрянь, и все колыхалось, двигалось, полосатые баулы били Сеню по голове и по ногам, дюжие квадратные девки кричали на него и яро матерились — и он бы упал, его бы затоптали, но упасть в плотной движущейся массе людей и товара было некуда. <...> Покупать там невозможно, там происходило что-то иное. <...> Увидев действие этой огромной крутящейся машины изнутри, Сеня поразился ее адовой простоте и изобретательности, какому-то беспрерывно громыхающему взрыву, раскидывающему полосатые тюки» [7, 366]. Можно заметить сходство с описанием ада в «Божественной комедии» Данте. Во-первых, постоянное круговое вращение, движение, уподобление вихрю: «крутящаяся машина», «все колыхалось», «двигалось», «движущаяся масса людей». Во-вторых, звуковой фон: «кричало», «визжало», «яро матерились». Правда, в отличие от Данте, описывавшего в соответствии с античной традицией ад как ледяной холод, В. Г. Распутин следует христианским представлениям. Для него ад — место жаркое, сравнимое с «беспреданно громыхающим взрывом», «землетрясением». Но факт, что Сеня впервые увидел ангелоподобную Катю у самой границы рынка, снова сближает Распутина с Данте: в первом круге ада великий итальянский поэт поместил некрещеных младенцев.

Из рынка, этой страшной круговерти, нельзя выйти — можно спастись: «Сеня... приободрился своим спасением и стал наблюдать, что это такое — откуда он спасся — и что называется торговлей» (торговля напрямую уравнена в смыслах с адом), «каким-то чу-

дом его вынесло на отбой». Слово «чудо» здесь явно употреблено в смысле нечаянной Божьей милости к персонажу.

И он этой милости, несомненно, достоин.

В рассказе подчеркивается: его поступками движут не деньги и не стремление к наживе. Как говорит Сеня Поздняков, они в деревне с женой Галей «деньги иной раз по полгода не видят». Живут своим трудом, держат домашнюю птицу и скотину, кормятся с огорода.

Отношение к деньгам деревенского жителя старшего, уже уходящего в прошлое, поколения, к которому относится и чета Поздняковых, сформулировано и крестьянкой Агафьей в рассказе «Имба» (1999) [7, 427–454]: «Деньги должны идти только на нужду, быть только пособием в недостатке, все, что сверх того, пользы не принесет». «С удивлением и стыдом смотрела Агафья на мужика, покупающего в магазине топориче, или на разъезжую, поперек толще, бабу, нанимающую работницу копать на трех сотках картошку. Не карман этого мужика и этой бабы она жалела, а сами деньги, попавшие в несерьезное место, где им не знают цены» [7, 447].

Сене неприятны обвинения жены в том, что он «купил» Катю. Ведь решение привезти ее к себе в деревню, спрятать подальше от рынка и прежней жизни он принял еще до того, как сел на пароход, где она достала из-за пазухи сверток с купюрами. Из этих денег Сеня с Галей купят ей теплую одежду, ни копейки не взяв себе. «Очень не хотелось трогать Катини деньги, поначалу так и решили: не трогать; но без них бы не поднять эту справу — половину истратили» — повествователь словно отчитается перед читателями о судьбе бывшей у девочки пачки.

ДЕНЬГИ ПРОТИВ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В последней повести В. Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) [8, 7–203] городской рынок опять становится средоточием страшных событий. А в метафизическом смысле — причиной всех бед, которые сваливаются на Тамару Ивановну, главную героиню. Очередную сильную, незаурядную русскую женщину в галерее писателя.

На рынок стремится ее 16-летняя дочь Светка, «соступившая с проложенной дороги». Он кажется ей местом, где можно быстро и легко заработать, не обладая при этом особыми навыками, талантами или образованием.

Отношение автора к рынку дается через прямые пренебрежительные оценки: «торгашеское занятие», «трясти хозяйским товаром», т.е. продавать. Впоследствии именно «торгашество» обвинит в случившемся с дочерью Тамара Ивановна: «Это все торгашество, все оно, подлое... Все профессии, все специальности — вон, ничего не надо, кругом одно торгашество <...> Потому и нацелилась [на курсы продавцов], потому и бросила [школу], что все кругом, вся жизнь пере-

шла в шумный и липкий базар». [8, 66–67.]

На рынке же Светку заметит азербайджанец, который впоследствии изнасилует ее. На рынке Светка и будет найдена Дёминым, другом ее родителей, при попытке сбежать от насильника. Да и само насилие совершится недалеко от рынка, в старом деревянном доме, где находится «постоя» торговца с Кавказа.

Распутин покажет: человек торгующий никакими ценностями, кроме денег, не признает. В том числе закона. Его, руководствуясь торгашеской логикой, тоже можно купить. Кавказцы захотят приобрести надежду на торжество правосудия у родителей изнасилованной им девушки: мужу Тамары Ивановны они предложат тысячу долларов за отказ в возбуждении уголовного дела. Столкнувшись с их несогласием, попытаются дать пачку денег следователю, работающему над преступлением.

Создавая такого персонажа, как Тамара Ивановна, В. Г. Распутин хотел заявить о несогласии с едва ли не официально заявленным в нашей стране постулатом о том, что «сильный человек у нас теперь — человек с деньгами». «Много я над этим раздумывал, и писал <...> И с нашим премьер-министром заводил я разговор о том же. Он на стороне людей, обогатившихся от этой власти. Считает, что только они могут спасти Россию» [9, 369]. Писатель же — и в этом его неизменная, проходящая через все творчество принципиальная нравственная позиция — защищает слабых. Тех, кого, как говорит он сам, «государство и закон у нас под защиту не берут. Хоть в ногах валяйся, хоть слезами залейся, хоть криком закричься» [2, 151].

Однако было бы неверным утверждать, что В. Г. Распутин категорически не принимает людей «торгового сословия» и видит в них только отрицательных героев. За десять лет до создания повести «Дочь Ивана, мать Ивана», в 1993 году, он напишет: «Мы привыкли видеть в этом понятии [купечество, купеческий город] один лишь смысл, означающий тяжелое и малоподвижное общественное и нравственное существование, и забываем или не знаем о деятельности купечества в культурном и научном строительстве» [11, 140]. Но писатель подчеркивает: «Идеализировать и выделять для ... купца особый пьедестал никто не собирается». Однако он отдает должное сибирским предпринимателям прошлых веков как первооткрывателям и основателям Русской Америки, активным участникам финансирования научных экспедиций в соседние восточные государства, на Крайний Север и Восток, в малоизученные области Сибири.

Важно и уточнение: «Разумеется, сказочные богатства невозможны были без грубой и нечистой практики своего ремесла».

Эта система взглядов находит отражение и в последней распутинской повести. Писатель создает образ предпринимательницы Егорьевны — «бое-

вой подруги» Демина. В ней символически представлен появившийся в России класс мелких и средних дельцов. Егорьевна, как характеризует ее Распутин, оборотиста и осторожна, принадлежит «к кругу расторопных и ловких», сильна, чувственна и трудолюбива. Обладая хитростью (неслучайно Демина называет возлюбленную Обьегорьевной), коммерческой сметкой и расчётливостью, позволившими ей подняться в бизнесе на уровень выше, чем мелкая рыночная торговля, Егорьевна умеет казаться мягкой, женственной и даже глуповатой. Персонажи В. Г. Распутина, принадлежащие рынку, как уже было замечено, многолики. Уловить их истинную сущность непросто.

Интеллигентный Демина с Егорьевной снисходителен и ироничен, пытается продемонстрировать свое умственное превосходство. В его интонациях чувствуется традиционно принятое слегка пренебрежительное отношение к «торговому люду» в России. Однако сама она сознает за собой и своим кругом силу. И сила эта не всегда тождественна беззаконию. В ситуации с Тамарой Ивановной Егорьевна действует честно и открыто, во имя справедливости: «У нас говорят: соберем деньги на адвоката. Сколько надо, столько и соберем. Велят передать: это пускай будет за нами. Самого лучшего надо взять».

Хоть это и не пьедестал для предпринимателя, но В. Г. Распутин не осуждает всех людей, причастных к коммерческой «профессии». Для кого-то из русского народа постсоветского периода она станет спасением. Но до конца писатель будет уверен: для нее, как он скажет в одном из интервью, «совесть требуется не та» [12].

МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОГО БОГАЧА

Какой отпечаток деньги накладывают на поведение владеющего ими в изобилии человека? Ответ на этот вопрос Валентин Распутин предлагает в рассказе «Новая профессия» (1998) [7, 396–426]. Свадебные правила, установившиеся в последние годы, — вот материал, на котором писатель раскрывает моральный облик новых российских буржуа. Главного героя рассказа Алешу Коренева приглашают на свадьбу состоятельных людей («в кругах, где все новое и необычное ловят на лету» [7, 404]): он изысканная деталь торжества — не ведущий или тамада, а златоуст. Задача Алеши — красиво, необычно поздравить жениха и невесту, сказать важные слова, которые (возможно, единственные) останутся в их памяти после буйного застолья.

Алеша — в прошлом перспективный физик. В новую жизнь он принят на правах обслуживающего персонала (его сажают за один столик с охранниками) или выдают за дальнего, забытого всеми родственника, что очень символично. Тем самым, во-первых, подчеркивается отчужденность и разрозненность людей в семьях современных нуворишей. Об этом

в тексте «Новой профессии» будет сказано неоднократно. Оторванность, от семьи, от старших ее представителей подводит к мысли об оторванности от корней в целом.

Во-вторых, описываются дикость и бескультурие сформировавшегося в 1990-е годы поколения новых состоятельных людей. В рассказе живописуется, как во время одной свадьбы, приняв яхту в качестве подарка, молодые плескались в Байкале «сначала голышом, потом в одежде и там же, в воде, закусывали с тарелок, другие ползли по каменистому откосу с редкими кустами вверх на скалы, третьи обкладывали друг друга на берегу камнями, чтобы торчали только головы... И все это визжало и вопило, но уже не «горько» и не «сладко», а что-то беспорядочное и беспамятное. Через час после причаливания жених, мертвецки пьяный, спал на обретенной им «посудине». Картина разгула молодых богачей в отдельных деталях красноречиво перекликается с описанием рынка в рассказе «Нежданно-негаданно». Деталью, делающими и тот, и другой похожими на ад: все «вопило», «визжало», «беспорядочное», «беспамятное». А отдельными — на фрагмент беседы В. Г. Распутина с В. С. Кожемяко о праздновании в 2009 году первой годовщины глянцевого журнала «Русский пионер» олигарха М. Прохорова. Местом проведения торжества был выбран крейсер-музей «Аврора», музыкальным фоном — матерные песни поп-группы «Рубль», посетителями — высочайшие чиновники страны министерского уровня, кульминацией — прыганье в Неву с борта [12, 1141–1143].

В-третьих, многое о нравственном состоянии общества говорят и свадебные подарки. На очередном торжестве Алеша чувствует: «Будет все то же, вся та же бедность роскоши [курсив мой. — Н. С.]. Исключения и сюрпризы редки». Для писателя очевидно: деньги, даже большие, не делают человека по-настоящему богатым. Живя в роскоши, можно оставаться духовно нищим. В творческом словаре В. Г. Распутина понятие «богатство» не связано с материально-потребительским избытком. Трактовка его восходит к библейским представлениям. В частности, к Нагорной проповеди, в которой «земные сокровища» противопоставлены «небесным» [13].

В произведениях позднего периода В. Г. Распутин зафиксировал процесс трансформации системы духовных приоритетов русского народа на рубеже XX–XXI веков.

В текстах 1960–1980-х гг. писатель трагически переживал забвение современниками своих истоков, постепенное исчезновение традиционной «деревенской цивилизации» с ее ценностями, наступление города. Но с крахом Советской империи эти процессы не только ускорились, но и стали необратимы. Причина в том, что в новой жизни деньги приобрели статус едва ли не новой религии и вытеснили на периферию вечные нравственные принципы, всегда характеризовавшие русское общество и культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майкльсон Д. Валентин Распутин: второе дыхание // Творчество В. Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи / Бражников И. Л., Газизова А. А., Пономарева Т. А. и др.: коллективная монография. — М.: Прометей, 2012. — Стр. 142–148.
2. Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет / В. Г. Распутин. — М.: Алгоритм, 2016. — 320 с.
3. Евангелие от Матфея, глава 6, стих 24; Евангелие от Луки, глава 16, стих 13.
4. Распутин В. Г. Пожар / В. Г. Распутин. — Собр. соч. в 3 т. Т. 2. — М.: Мол. гвардия, 1994. — 512 с.
5. Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 года / А. И. Солженицын. // Новый мир, 2000. — № 5. — Режим доступа: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2000/5/solgen.html (дата обращения: 6.06.2019)
6. Распутин В. Г. В ту же землю / В. Г. Распутин — Собрание повестей и рассказов в одном томе. — М.: Э, 2017. — 960 с.
7. Распутин В. Г. Собрание повестей и рассказов в одном томе / В. Г. Распутин. — М.: Издательство «Э», 2017. — 960 с.
8. Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы / В. Г. Распутин. — М.: Эксмо, 2005. — Стр. 7–203.
9. Цит. по: Румянцев А. Г. Валентин Распутин / Андрей Румянцев. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 447 с.
10. Распутин В. Г. Собрание сочинений: В 3-х т. — Т. 3: Сибирь, Сибирь, Сибирь... Очерки. Публицистика. — М.: Мол. гвардия, Вече, 1994. — 493 с.
11. Приходько Т. Валентин Распутин: Без деревни-кормилицы нам никак нельзя / Т. Приходько // Истоки, 2010. — № 1 (15). — Режим доступа: http://istoc.3dn.ru/publ/publicistika/valentin_rasputin/bez_derevni_kormilicy_nam_nikak_nelzja/33-1-0-32 (дата обращения: 05.06.2019)
12. Распутин В. Г. Кому власть служит / В. Г. Распутин // У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 1190 с.
13. Евангелие от Матфея, глава 6, стихи 19–20.

Воронежский государственный университет
Сергунина Н. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и литературы
E-mail: sergunina@inbox.ru

Voronezh State University
Sergunina N. A. candidate of philological Sciences, lecturer of the Department of journalism and literature
E-mail: sergunina@inbox.ru